

НАША СТРАНА

Год издания — 38-ой. Буэнос Айрес, суббота 24 мая 1986

"NUESTRO PAIS"

Buenos Aires, sábado 24 de mayo de 1986 No. 1869

Г. Л. ЛУКИН

Важнейшие задачи Зарубежья

В П О Р Я Д К Е Д И С К У С С И И

Как в капле воды отражается весь океан, так и в эмиграции, минимальной части русского народа, вопреки специальным условиям жизни за границей, отражается весь русский народ, с его положительными и отрицательными сторонами. И нечего себе делать иллюзии: в условиях свободы русский народ будет страдать теми же общественно-политическими болезнями, что и эмиграция.

Очень часто мы слышим упреки по адресу эмиграции в том, что она не способна создать *единый фронт* и действовать эффективно. Эти упреки исходят, главным образом, из уст подрастающего поколения или новопривыкших из СССР, а также — в последнее время — и от иных лиц, живущих доселе на занятой большевиками территории. Практика, однако, показывает, что когда эти люди включаются в эмигрантскую общественно-политическую жизнь или в конкретное проявление национального пробуждения на родине, они сами очень скоро впадают в ту же ошибку.

В чем дело? Почему так настойчиво, как бы по какому-то неписаному закону, повторяется та же ошибка? Попробуем разобраться в этом вопросе.

Как известно, полного единомыслия в жизни, в условиях свободы, добиться нельзя. Единогласие может проявиться только по какому-нибудь специальному поводу — и то, на короткое время.

Обычно люди думают и действуют по разному, а объединяются в большие или малые группы лишь на определенные сроки, в зависимости от их интересов и возраста. Подчеркиваю, что речь идет о людях живущих на свободе, когда их участие *добровольно*.

В эмиграции нет *палки*. Что же заставляет работать? Совесть. Любовь к родине. Религиозность. Чувство долга. Или — в некоторых случаях — желание играть роль.

Кто руководит эмигрантскими фракциями?

Такие же люди, как мы с вами. Они поддаются настроению, своим личным чувствам; иногда действуют правильно, иногда ошибаются. Для них задача борьбы — свержение большевицкой власти и воскрешение свободной России. Но после свержения, что будет дальше — большинству неясно. Главным образом, все ссылаются на "волю народа".

В своем *отрицании* большевиков, они так сроднились, так сжились с *отрицанием*, что — помимо своей воли — переносят его на всех тех, кто не думает как они в эмиграции и не думали как они на протяжении всей русской истории. Отсутствие созидательной мысли явствует. За малым исключением, никто толком не знает, чего он хочет для свободной России. Заявления меньшинства о преимуществах тысячелетнего опыта

монархии или выставление солидаризма в противовес марксизму — не меняют картины нерешительности или как бы апатии большинства.

И тут идут полные смешения понятий и задач.

"Я не пойду с солидаристами!" или "Я не пойду рука в руку с монархистами!" — такие заявления убивают всякий зачаток *единого фронта*.

Эмиграция должна понять, что у нее две задачи, совершенно разные, но крепко связанные между собой. *Первая задача* — свержение большевизма и воскрешение России. *Вторая задача* — построение нового русского государства соответствующего близким нашим сердцам идеалам.

В первом случае совершенно все равно, кто выступает против большевиков: эмигрант ли первой, второй или третьей волны, чужестранец или Римский Папа. Важно то, что он говорит и делает. Такой человек

должен получить нашу поддержку, если он в своей борьбе не обижает русский народ, а бьет по советской власти. Нам не стоит расшатывать его престиж (в особенности — перед иностранцами) и разжигать эффект его выступлений против коммунизма, даже если мы знаем за ним грехи личные или общественные.

Тут нам нужно — не объединяясь формально, не подымая крика — *де факто* стать единым фронтом против общего врага. Необходимо отбросить привычку подходить с настроением "анти" к союзнику, (хотя бы и временному) и не заваливать нашу прессу неконструктивными материалами.

Что касается второй задачи, этот вопрос очень трудно решить. Однако нужно придерживаться принципа свободы: каждый русский человек имеет право думать, что ему угодно и свободно распространять свои мысли. *Тут единого фронта не нужно!*

Но от разрушительного "анти", мы должны, в этом случае, *категорически* отказаться, заменив его положительным "за". За что? — *За Россию!* И исходя из этого девиза, если каждый честно предложит вниманию соотечественников мысли, основанные на лучших чувствах своего сердца, начнется строительство лучшего будущего нашей родины.

Однако правило поведения должно быть таким: хвали свое, отстаивай его, доказывая его превосходство и доброкачественность, но не хули, не поноси соседа-патриота, который другим путем идет к той же цели. Не оскорбляй, а добивайся дружеских взаимоотношений. Никто из нас не является полным хозяином правды. Никто не имеет патент на непогрешимость.

Если исходить из такой точки зрения — *единый фронт* против большевиков может стать реальностью. Г. Л. ЛУКИН

ПАСХАЛЬНОЕ ПОСЛАНИЕ

ПРЕДСЕДАТЕЛЯ АРХИЕРЕЙСКОГО СИНОДА РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЗАРУБЕЖНОЙ ЦЕРКВИ.

ВСЕЧЕСТНЫМ ПАСТЫРЯМ И БОГОЛЮБИВОЙ ПАСТВЕ.

"Наша Страна" воспроизводит полученное с запозданием второе пасхальное послание митрополита Виталия. Первое (см. "Н. С." № 1866) было предназначено для паствы иностранной, ибо в нашей Русской Православной Зарубежной Церкви уже не мало и отдельных приходов, пользующихся английским языком, болгарским, румынским и даже французским. Для них и было написано первое послание. Это второе послание написано исключительно для русской паствы.

Одновременно мы публикуем полученное только теперь пасхальное послание епископа Илариона Манхэттенского, заместителя секретаря Архиерейского Синода. (см. стр. 2)

ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ!

Все православные праздники в своем чине, песнопениях и в особенности в своих канонах и молитвах несут в недрах своих каждый свой дар Святаго Духа. Поэтому мы почитаем каждый праздник как таинство. Даже в ежедневных богослужениях великим и малым святым молящиеся в храме приобщаются к благодати Божией, которую Господь даровал Своему святому. Но совершенно несравненна ни с какими праздниками стоит Пасха Христова, средоточие всех праздников, полнота Божией благодати и даров Святаго Духа. На Пасху сами небеса преклоняются к земле, солнце играет и люди чувствуют себя Божиими людьми. Всю нашу жизнь с раннего детства до глубокой старости Пасха освящает наш жизненный путь. Пасха духовное солнце нашей жизни. Православный христианин живет от Пасхи до Пасхи. И он так боится лишиться хоть в какой-то год своей жизни пасхальной благодати, что на вечерни Прощенного Воскресения мы поем пасхальные стихиры и даже во многих приходах самый тропарь "Христос воскрес из мертвых смер-

тию смерть поправ и сущим во гробех живот даровав", боясь что, если до пасхальной заутрени Господь призовет кого-нибудь к вечной жизни, не лишиться и ему услышать последний раз в своей жизни животворное пасхальное песнопение.

Когда один русский профессор был главным докладчиком на каком-то всемирном съезде и ему было назначено время его доклада в 6 часов вечера, как раз в Великий Четверток, то он отказался выступать, заявив, что у него считанные дни Страстей Господних, столько сколько у него лет жизни и он ни одного такого великого и святого дня не пожертвует самому большому мировому событию. Все ученое общество исполнилось умиления и не малого уважения к своему православному коллеге. От нас же ему вечная память за такое истинное исповедание православной веры.

Надо еще сказать, что каждый народ имеет свой национальный праздник, который символизирует его стремление к какому-то идеалу, на

котором данный народ строит свою семейную и общественную жизнь. Мы русские такого праздника не имеем. Пасха покорила наше сердце, которое просто не принимает никакого другого идеала. Стоит задуматься над таким исключительным явлением. Есть еще и другое необыкновенное свойство русских, не отмеченное ни у какого другого народа: когда русский человек теряет веру в Бога он начинает ненавидеть Россию, ибо в ней он чувствует инстинктивно Христа.

Православная Церковь от самой днепровской крестильной купели вскормила всю русскую культуру, создала из русского народа государство, глубоко проникла в русский быт, вдохновила все его законы духом милосердия и всегда вела его на жертвенный подвиг в его всемирной государственной политике. А Пасха Христова это величественная печать Божия на все русское бытие, ибо Христос воистину Воскресе!

Аминь.

МИТРОПОЛИТ ВИТАЛИЙ

ТРИБУНА ЧИТАТЕЛЯ

ОБ ОШИБКЕ ОКРУГЛЕНИЙ

В "Н. С." № 1855 Л. Соломахо просит бюрократов из СССР объяснить под какой графой ошибка округлений должна быть учтена в СССР. Могу ответить на вопрос Л. Соломахо, хотя не являюсь бюрократом.

В СССР действительно нет графы "ошибка округлений", как в Америке. Но все выходит из положения именно так, как это делала Л. Соломахо — округляют в ту или иную сторону. Всем вышестоящим органам этот способ известен, и они сами поступают так же.

Почему ассистент кафедры систематически не принимал расчеты Л. Соломахо с этим округлением — ответить легко. Причина этому — сталинский террор: во время ежовщины были истреблены все хоть что-то понимавшие специалисты, на их место назначены совершенно неопытные, но напуганные до смерти новички. Такой вот ассистент, ничего не понимая, руководил дипломом студентов, и некому было ему объяснить, что ошибка округлений — вещь необходимая.

М. Руперт (Франция)

РУССКИЕ МЫСЛИТЕЛИ В "НАШЕЙ СТРАНЕ"

В "Трибуне читателя" в № 1864 от 19 апреля с. г. А. Ефимова выражает свое желание, чтобы "сотрудники "Нашей Страны" почаще высказывались о русских исконных формах правления", о которых она "недостаточно осведомлена". Дальше она пишет: "Вероятно и мыслителей о государственном устройстве, если поискать, среди русских найти можно, и распространение их очень было бы желательным среди русских читателей... в то время как иностранная литература об иностранных формах правления каждому вполне доступна".

Но ведь "Наша Страна" как раз этим и занимается постоянно — с давних времен!

Может быть А. Ефимова недавняя читательница "Нашей Страны" и поэтому не знает, что писалось в газете раньше. Но если взять, хотя бы, последние семь номеров "Нашей Страны", то даже маловнимательный читатель, без всяких "вероятно" и без всяких "поисков", легко "найдет" в них целый ряд "русских мыслителей о государственном устройстве".

В № 1863 в статье "Абсолютизм" (в отделе "Кратчайший толковый политический словарь"), даются иностранные выдержки из "Монархической государственности" Л. Тихомирова. Если читательница обратится хотя бы только к этому единственному труду и этому единственному русскому мыслителю, она сможет полностью преодолеть свою "неосведомленность о русских исконных формах правления".

В № 1862 в статье "Пути и распутия" И. Андрушкевича разбираются установки следующих русских мыслителей (в порядке их появления в статье): А. С. Хомяков, проф. К. И. Зайцев (архимандрит Константин), А. В. Карташев и Л. А. Тихомиров. А также упоминаются: А. С. Пушкин, император Александр Второй и П. А. Столыпин. В том же номере в статье "Непродуманная программа" Владимира Рудинского упо-

минается автор "Народной Монархии" И. Л. Солоневич — тоже весьма подходящий труд, для того чтобы преодолеть "неосведомленность о русских исконных формах правления".

В № 1861 в статье "Коренная идея" И. Андрушкевича цитируется Ф. М. Достоевский и упоминаются А. С. Хомяков, Л. Тихомиров и один из наших древних летописцев.

В № 1860 в статье "Апология монархии" Владимира Самарина, упоминается Ф. М. Достоевский, а в статье "Безнравственная уступка", Валентина Зарубина цитируется А. И. Солженицын.

В № 1859 вся передовица В. Шубачеева, "Традиционные ценности", посвящена Ф. М. Достоевскому; в ней же цитируется Н. С. Гумилев.

В № 1858 в передовице Е. Фокина "О злободневности прошлого", дается замечательная цитата из работы А. И. Солженицына — как раз об "исконных русских представлениях" о голосовании и о Земских Соборах. В этом же номере, в отделе "Заветы предков" приводятся стихи Марины Цветаевой о русском царе. Кстати, кто ведет этот отдел, вот уже ряд лет украшающий "Нашу Страну"?

В № 1857, в сводке отрывков из посланий и статей митрополита Виталия, под заглавием "Мысли митрополита", цитируется указание митрополита Виталия на "замечательные брошюры "Православие", Самодержавие" и "Народность" Д. А. Хомякова (сына А. Хомякова), содержащие мысли, могущие послужить для будущего возрождения русского православного государства".

Неужели А. Ефимовой этого мало? Неужели мало "русских мыслителей" упомянуто в этих последних семи номерах "Нашей Страны"? Ведь, чтобы прочесть и освоить полностью все их труды, не хватит, пожалуй, и нескольких лет, даже если посвятить этому все свое время.

Что же касается вообще "русских исконных форм правления", которые ищет А. Ефимова, то можно ей посоветовать — кроме, конечно,

трудоу И. Л. Солоневича — также и "Соборную монархию" Михаила Михайловича Спасовского, изданную "Нашей Страной" в 1953 году. Кроме того, можно ей порекомендовать три программные редакционные статьи в номерах 1717, 1718 и 1719: "Православная монархия", "Соборный строй" и "Народный строй". Первая из них была переведена в США на английский язык и прочитана на Первой Международной Монархической Конференции.

В заключение, необходимо отметить, что "иностранная литература об иностранных формах правления", хотя она и "вполне доступна", все же никак не может полностью удовлетворить русского читателя, серьезно ищущего "русских исконных форм правления". Конечно, вся наука сама по себе универсальна, в том числе и философия. Труды ученых и философов оцениваются на основании содержащейся в них истины, а не на основании исторических или географических данных их авторов. Но все же необходимо иметь в виду, что Россию заваливают этой "иностранной литературой" с конца 18 века и по наши дни. Частично в результате этого Россия и сегодня находится под глыбами марксизма, а на завтра ей угрожают либерализмами, социализмами, демократизмами и даже солидаризмами. Так что, "об иностранных формах правления" нам нужна русская литература и публицистика, с анализом чужеродных авторов производимый с русской точки зрения, а не с иностранной, хотя и с учетом всей иностранной библиографии на каждую тему. Это задача спешная и неотложная, хотя и весьма трудная. Очистить Россию, как Авгиевы конюшни, от чужого идеологического навоза — вот наша русская задача. Слава Богу, на страницах "Нашей Страны" неуклонно ведется сборными усилиями ее сотрудников ценная работа в этом направлении.

Игнорировать это было бы не только несправедливо по отношению к самой "Нашей Стране" и к ее сотрудникам, но и могло бы быть по-

нято как политическое отрицание пользы и смысла ее существования.

Но, будет еще хуже, если это спровоцирует мысль, что в России вообще не было и нет политических мыслителей (если их нужно "искать", без уверенности, что их можно найти), и что — как это утверждал Амальрик — все, что мы имеем в этом отношении, мы получили от варягов, татар или евреев.

К. Матвеев (США)

Ю. А. ГЕРЦОГ И НТС

В "Политической хронике" в № 1853, в корреспонденции о назначении Е. Ю. Заречняк управляющей делами представительства в Вашингтоне Конгресса Русских Американцев, отмечается, что она является "дочерью покойного деятеля НТС Юрия Герцога".

Однако, хотя Ю. А. Герцог и принадлежал к группе основателей организации называвшейся до войны "НТСНП" (кажется, в начале тридцатых годов он был членом идеологической комиссии этой организации), все же нельзя обойти молчанием то обстоятельство, что он задолго до своей смерти порвал с той организацией, которая сегодня называется НТС.

После раскола в "Национально-Трудовом Союзе (российских солидаристов)" в 1955 году на так называемых "духовиков" и "деловиков", Ю. А. Герцог оказался, вместе с председателем НТС (рс) В. М. Байдалаковым и рядом других видных руководителей и членов этой организации, в лагере "духовиков". Эта часть НТС (рс) приняла название "Российский Национально-Трудовой Союз" (РНТС) на съезде, состоявшемся в Мюнхене в январе 1956 года, с участием 29 членов, от имени 133 членов из США, Европы, Южной Америки и Австралии, и который они считали "четвертым съездом" всей организации. Вскоре после этого, другая часть бывшего НТС (рс), имевшая несомненное большинство, тоже переименовала свое название на "Народно-Трудовой Союз" (НТС). Еще до этого, она формально исключила из своих рядов многих "раскольников", в том числе, кажется, и Ю. А. Герцога. На съезде РНТС в Мюнхене, Ю. А. Герцог был избран председателем постоянной идеологической комиссии РНТС. Он же разработал позже проект нового устава этой организации. В этой же организации состоял и М. М. Заречняк, свекор Е. Ю. Заречняк, урожденной Герцог.

Через несколько лет, на следующем съезде РНТС, в Нью Йорке, эта организация была переименована в "Российский Демократический Союз за Веру и Свободу", с сохранением старого названия РНТС в скобках. После смерти В. М. Байдалакова, Ю. А. Герцога и многих других ее ведущих членов, эта организация практически перестала существовать, хотя официально она никогда не была распущена.

Писать о Ю. А. Герцоге, как о члене организации сегодня именуемой "НТС", причем без всякой ссылки на вышеуказанные обстоятельства, не только не объективно, но и несправедливо по отношению к НТС, да и к самому покойному Ю. А. Герцогу.

А. Белоусов (США)

ПАСХАЛЬНОЕ ПРИВЕТСТВИЕ

Е П И С К О П А М А Н Х Э Т Е Н С К О Г О И Л А Р И О Н А,
ЗАМЕСТИТЕЛЯ СЕКРЕТАРЯ АРХИЕРЕЙСКОГО СИНОДА

Христос Воскресе!

Этим радостным восклицанием православные христиане приветствуют друг друга в Пасхальные дни, троекратно лобызаясь. С этими же победоносными словами обращаясь и я к Вам сегодня, в светлые дни Святой Пасхи.

Слова "Христос Воскресе" произносятся уже почти 2000 лет, — с тех пор как Жены-Мироносицы, пришедши на Гроб с ароматами для помазания тела Спасителя, нашли Гроб пустым, а от Ангела узнали, что смерть и ад не могли удержать Жизнодавца Христа и Гроб оказался Источником Жизни для рода человеческого.

"Христос Воскресе из мертвых, смертию смерть поправ, и сущим во гробех живот даровав".

Воскресение Христово является центральным догматом нашей святой веры. Без Воскресения — все наши труды бессмысленны и напрасны, как об этом пишет св. Апостол Павел:

"Если Христос не воскрес, то и проповедь наша тщетна, тщетна и вера наша... вы еще в грехах ваших" (1 Кор. 15, 14, 17).

"Но Христос воскрес из мертвых, первенец из умерших" (1 Кор. 15, 20), давая нам возможность унаследовать блаженную жизнь в Небесном Своем Царствии.

И при ежегодном праздновании этого величайшего из Торжеств, радость пасхальная не изсякает в сердцах наших, хотя в эти трудные времена и окружают нас слухи о войнах и беспорядках по всему свету. Пусть не одолеет нас страх, ибо с нами Воскресший Христос, Который "все покорил под ноги Его" (1 Кор. 15, 20) Своим славным Воскресением.

Возрадуемся, поэтому, о Господе и радость о Воскресшем Спасителе всегда да пребывает с нами!

С любовью во Христе,
ЕПИСКОП ИЛАРИОН

БИБЛИОГРАФИЯ

А. Курдюмов. "В краю непуганых идиотов" (Париж, 1983).

По форме, это — исследование о творчестве Ильфа и Петрова. По качеству, — написанное с эрудицией, с привлечением малодоступных источников и, главное, живо и ярко, так: что читается легко и с увлечением. И, тем не менее, читателя постепенно берет все большее раздражение на автора, становящееся под конец невыносимым! Беда в том, что он использует свой труд для ядовитой полемики против почвенников и славянофилов, ведомой с позиций космополитов, а точнее, по определению Солженицына, *плюралистов*.

Отвлечемся на миг, чтобы подчеркнуть бессмысленность самой этой кампании, выдуманной большевиками на разъединение сил их противников; причем особым достижением чекистов следует признать, что им удалось склоку перекинуть и в Зарубежье. На деле, ясно, что послебольшевицкая Россия должна, да только и может быть страной полного равенства для всех национальностей; и что такой порядок устроит всех порядочных и разумных ее жителей. Те же русские, кто желает для себя привилегий перед другими народностями, как и те евреи, которые бы пожелали себе привилегий перед русскими, не могут быть признаны ни разумными, ни порядочными.

Кроме почвенников, исследователь полемизирует с Н. Мандельштам и с А. Беллинковым (коих в оный стан нельзя включить) по вопросу о том, высмеивают ли Ильф и Петров,

Языковые Уродства РУЕН

До сих пор мы во Франции знали только нормандский город Руан, прославленный мученичеством Жанны д'Арк. В № 246 "Панорамы", — да еще в редакционных сообщениях! — выплывает из глубин невежества невиданный и неслыханный Руен.

В том же номере, в неподписанном отделе "Немного обо всем" и в статье о тюльпанах, мы встречаем принца Евгения де Бохарне, сына императрицы Жозефины. Написание новое и диковинное! По традиции полагается писать *Богарне* (или *Богарнэ*); если же фонетически то надо бы скорее уж *Боарне*.

Поистине удивительные пробелы обнаруживаются порою в образовании новейших эмигрантов! Вот в следующем номере, 247-ом, в статье "Ностальгия — болезнь политическая", М. Поповский сообщает что символом острова Капри будто бы: "является сирена — мифическая птица-дева". Что говорится, попал пальцем в небо! Сирена — русалка, живущая в воде и, следовательно, никак не птица; скорее уж рыба или, вернее, морское млекопитающее (некоторые ученые думают, что легенда связана с реально существующими дельфинами).

Выразим также некоторые сомнения по поводу практикуемой "Панорамой" формы названия города, где она издается: *Лос Анжелес*. Традиционное русское написание и произношение (а традиции подобало бы уважать!) есть *Лос Анжелос*. Само же по себе имя — испанское; и потому звучит как *Лос Анжелес*. Зачем же нам навязывать английский акцент, вовсе чуждый русскому языку?

Аркадий Рахманов

в лице Васисуалия Лоханкина, русскую интеллигенцию в целом. Здесь он, пожалуй, и прав. Сознательно сниженный, и в культурном, и в духовном плане, Лоханкин, — не более интеллигент, чем о. Федор Востриков, Киса Воробьянинов, Авессалом Изнуренков и прочие Ляписы, один другого гротескнее. Напрасно только Курдюков противопоставляет Лоханкину Остапа Бендера, в качестве подлинного интеллигента. Тут получается покушение с негодными средствами, ибо *великий комбинатор* есть по природе гешефтмахер (забавно, что это слово нам в сноске разъясняется! а кому это нужно?); сие же свойство для российской интеллигенции абсолютно не типично (и уж в этом мечтатель Лоханкин ей гораздо ближе).

Вообще же, в кафкианском мире "Двенадцати стульев" и "Золотого теленка" все предается беспощадной насмешке, — и в первую очередь советский строй. Поняв это с опозданием, большевики несколько раз, в разные периоды, подвергали обе книги разносу и пытались изгнать из обращения; но, вполне трезво, предпочли, в конце концов, видеть в них изобличение не системы, а лишь отдельных и мелких ее неполадок. Но именно как сатира на коммунистический режим целиком, эти два романа живут и будут жить, и имеют, прочно и надолго, уйму поклонников.

Испытывали ли сатирики жалость к *бывшим людям* как дворянин Воробьянинов или священник Востриков? Курдюмов показывает некоторые намеки у них на подобное чувство; а что они приглушены, — дивиться нечему. Однако, безусловно, для обоих писателей старая Россия была чуждой им, отошедшей в прошлое экзотикой; а, при проницательном взгляде на окружающее их настоящее, они, видимо, питали некие смутные надежды на будущее (которые все слабели и блекли; о чем свидетельствуют, в частности, посмертно опубликованные частично записные книжки Ильфа).

Отметим другое. Ильф и Петров имеют серьезные извинения, даже когда и неправы: они писали давно, страдали от недостатка информации и были стеснены советским игом. Таких оправданий нет у Курдюмова, нашего современника, печатающегося на Западе (даже если и живет в СССР). Его же неумолимые разоблачения подсоветской интеллигенции, и специально писателей, за трусость, лживость, приспособленчество, определенно чересчур жестоки (несмотря на приводимые им убийственные цитаты и факты, касающиеся порою писателей, которых нам хотелось бы жалеть и уважать): нельзя забывать, в каком царстве ужаса томились осуждаемые им люди! И вовсе уж неприятны его необоснованные стремления приписать те же недостатки интеллигенции *досоветской*...

Делает честь Ильфу и Петрову, что они (как нам здесь показывается) всячески избегали участия в наиболее позорных акциях большевизма, уклоняясь от прославления коллективизации, концлагерей, истребления врагов народа и т. п. (После смерти Ильфа, в более еще свирепую эпоху, Е. Петрову пришлось и в этом пойти на уступки власти; как бросить в него камень?!).

Удивляет утверждение Курдюмова, в процессе спора, будто слово *денационализированный* является неологизмом, выкованным советским критиком О. Михайловым в 1968 году! Слово сие издавна бытует в эмиграции; возможно, существовало еще и до революции. Курьезно и то, что о Г. Блоке (кузене А.

Блока) он выражается так: "сам немного грешивший беллетристической". Автор превосходного исторического романа "Москвитяне" (опубликованного в период послевоенной оттепели и несправедливо отчасти теперь забытого, как и многое, вышедшее в свет в то время) заслуживал бы более лестной оценки (правда, что та литературная струя Курдюмову совсем не с руки).

Согласно своей твердо усвоенной концепции, Курдюмов враждебно воспринимает все, что клонится к реабилитации царской России, даже в той кургузой версии, какую дозволяют большевики (и чем более эта реабилитация законна, тем большую у него вызывает ярость). Например, исторический факт, что имп. Николай Первый покровительствовал Гоголю, вызывает у него только злобную ухмылку — и сравнение великого царя... со Сталиным!

Но увы! время работает не на поддержку, а на разрушение данной концепции. И тут Курдюмов нам выбалтывает ценнейшие вещи о настроениях России сегодня: "С 70-х годов любовь к свободе и ненависть к тиранам перестали казаться главными добродетелями. Их сменила вера, духовность, соборность, почвенность, национальные корни и другие подобные идеалы. Имена декабристов Белинского, Герцена, Петрашевского... не только потеряли популярность, но стали даже вызывать раздражение. В популярных воззрениях их сменили совсем иные кумиры — Н. Бердяев, С. Булгаков и П. Струве в сочетании с П. Столыпиным, "великим преобразователем России". Симпатии подсоветских интеллигентов клонятся не к левому, а, напротив, к крайне правому крылу "Союза Меча и Орла". Подобно интеллигентному слесарю Виктору Михайловичу Полесову, созданному резвенчанными кумирами молодежи 50-х годов Ильфом и Петровым, вчерашний советский человек, как правило, бывает настолько правым, что даже не знает, к какой партии принадлежит" — писал недавно израильский публицист Н. Прат. К чему Курдюмов еще меланхолически прибавляет: "Охваченный новыми веяниями советский интеллигент, пребывающий на родной почве и не склонный ее покидать, часто далеко превосходит по "правизне" своих зарубежных собратьев".

Дай-то Бог! И в добрый час! — остается нам вокликнуть. Сведения же эти тем ценнее, что они — из уст врага, который тут же, противно и неумно, принимается доказывать неизбежность и праведность советской революции... Не будем эту чушь и разбирать.

Среди разоблачений Курдюкова по адресу его братьев-писателей, выделю относящиеся к В. Катаеву, который, оказывается, до революции писал вполне верноподданические стихи, вроде:

Колени преклоняя
И в любящей душе
Молитву сотворяя:
Храни, Господь, Россию и Царя.

и даже более того:

Так что ж! Неужели же силы
Чтоб снять этот тягостный гнет,
Чтоб стигнули все юдофилы,
Россия в себе не найдет?

Не знаем, поставить это ему в плюс или в минус? Во всяком случае, сравнивая с его позднейшими советофильскими произведениями, хочется к нему обратить слова Лермонтова:

Как сильно ты переменился!

Владимир Рудинский

Политический Калейдоскоп

Продолжают раздаваться во всем мире критические замечания, по поводу манипуляции Советским Союзом информации о атомной катастрофе на Чернобыльской АЭС. В частности, общее собрание Международного института печати, состоявшееся на прошлой неделе в Вене, утвердило декларацию, в которой говорится: "Несчастье случившееся на атомной электростанции напомнило драматически, что советское правительство не придерживается духа хельсинских соглашений, что касается обмена информацией". Также и канцлер Западной Германии заявил перед парламентом, что поведение Кремля после несчастного случая на ЧАЭС было "безответственным".

В противовес этой критике, М. Горбачев выступил на прошлой неделе по телевидению и, в свою очередь, раскритиковал реакцию США на эту катастрофу. Горбачев также выразил впервое соболезнования семьям пострадавших, а также предложил создать новые международные механизмы, для того чтобы можно было дать международную тревогу, в случае новых атомных аварий. Интересно отметить, что то же самое обвинение, которое выдвигает мировая общественность против советского руководства, последнее в свою очередь выдвинуло против местных партийных руководителей в районе катастрофы: задерживание информации. Якобы, в течение двух дней Кремль не имел информации о настоящих размерах катастрофы.

Еще преждевременно делать хотя бы временный баланс всех трагических последствий этой катастрофы. "Тайм" считает, что в радиусе около 100 километров от ЧАЭС, в течение следующих 30-и лет увеличится число смертных случаев от раковых заболеваний. Такой радиус обозначает площадь в три миллиона гектаров, на которой в течение долгого времени все производство аграрного сектора будет сильно страдать от последствий радиоактивности. Такая зона радиусом в 100 километров как будто бы подтверждается сообщениями западно-германского агентства печати, из Москвы, в том смысле, что на основании телефонных звонков из Гомеля, в 130 километрах от ЧАЭС, у некоторых женщин и детей в Гомеле начали выпадать волосы.

Длительные ущербы для сельского хозяйства могут сказаться в зоне гораздо большей, чем радиусом в 100 км. На международных биржах зерна уже произошла соответствующая реакция. Например, цена пшеницы на бирже в Чикаго, с поставкой в декабре этого года, поднялась на 16 %. Положение для советского режима ухудшается еще тем, что покупки зерна оплачивались валютой получаемой за экспорт нефти. В результате падения цен на нефть, этот источник иностранной валюты сократился для СССР на 30 %. Если теперь еще придется выводить из строя все АЭС чернобыльского типа (согласно журналу "Экономист" их 12, из общего числа 51), то увеличится потребление нефти в самом СССР, отчего экспорт и поступления валюты уменьшатся. Без правильного земельного хозяйства, самообеспечивающего всю страну всеми сельскохозяйственными продуктами, действительно получается заколдованный круг.

П. Н.

ВЛАДИМИР РУДИНСКИЙ

НЕСБЫВШЕЕСЯ

Мне только сейчас случилось прочесть книгу о. Александра Киселева "Облик генерала А. А. Власова". Впрочем, на ней год издания нигде не обозначен, так что его и угадать нельзя.

Больше всего меня взволновали страницы, относящиеся к собранию 18 ноября 1944 года в Берлине, в зале "Европа-Хаус" с оглашением власовского манифеста. Я там был, в числе то ли 1500, то ли скорее 2000 присутствующих. Скольким из них уцелело? Скольким на свободе, и может разделить со мною воспоминания?

А тогда все были едины, все сердца бились в одном общем чувстве. Немцев почти не было; помещенные заполняли русские, включая однако белорусов и украинцев, да вероятно немало представителей и других народностей России. Тут были военные и штатские, на той или иной службе в германских учреждениях, и целая масса остоцев, мужчин и женщин. Вероятно, из этих последних попали сюда не все желающие, а только из некоторых, произвольно выбранных властями лагерей; не то, пожалуй, и места бы не хватило. Множество было девушек и, как врезалось мне в память, в основном, — прехорошеньких.

Отлично помню речь самого отца Александра, вызвавшую бурные аплодисменты после ее окончания: "Не в силе Бог, а в правде!" Запомнилась мне фраза с места Власова, — как теперь свидетельствует его биограф, произносимая им неоднократно, — вырвавшаяся у него после речи, если не ошибаюсь, полковника Мальцева (начальника авиации РОА): "Солдат — святой человек!"

Присутствие немцев, к сожалению, все же давало себя чувствовать. В том числе, в комичном эпизоде, как раз перед речью Мальцева: какой-то не в меру ретивый лагерный фюрер (которого и его начальство вряд ли бы одобрило!) ворвался на эстраду, завладел микрофоном и произнес наставление остоцам из своего лагеря, чтобы они не смели уходить самостоятельно, а ждали организованного возвращения в свои бараки. Под рукою оказался умный переводчик, который повторил это нелепое выступление по-русски в смягченной и почти шуточной форме; но впечатление на публику осталось самое мерзкое.

Отголоском если не этой выходки, то политики, которую она отражала, явился вероятно и другой эпизод, сохранившийся у меня в памяти. После провозглашения манифеста КОНР'а, в принципе, значки ОСТ, нестерпимо мозолившие всем русским без исключения глаза, должны были быть заменены другими, отдельными для великороссов, для украинцев и для белорусов; если не путаю, в виде соответствующего андреевского креста, подсолнечника и василька. К несчастью, как все в тот период, — и слишком поздняя мера, и недостаточная, хотя отчасти и положительная.

Группа русских ребят, снимавших происходящее на кино-пленку, хотели, чтобы одна девушка, с типично великорусской физиономией сняла перед объективом остоцкий значок и прицепила вместо него новый. Она, однако, упорно отказалась; явно рассуждая, что с немецким начальством лучше не рисковать: что еще

взбредет ему в голову, и как оно отнесется!

Запомнилась мне еще речь представителя белорусов Островского, тем, что, начав по-белорусски и, заметив очевидное, что его мало кто понимает, он постепенно перешел на русский.

Вечер закончился выступлением хора и отдельных певцов, из коих некоторые, из состава РОА, оказались превосходными.

Все это было веселая, радостная интермедия. Но дело носило характер рокового опоздания. В душе мы, полагаю, большинство из нас, уже больше надеялись не на победу Германи, а на здравый смысл союзников. Которые, когда пришло время, ни на волосок его не проявили...

В те дни мне приходилось по работе читать массу писем из остоцких лагерей, доводилось и говорить с посещавшими их людьми и с теми, кто оттуда вырвался. Картина открывалась ужасная. По деревянной тупости немцев, командные посты на низших степенях занимали постоянно коммунисты из СССР, которые свободно вели свою пропаганду, тиражируя подчиненную им массу и — самое худшее! — травили и тиранили тех, у кого близкие уходили в РОА, а самому такому уходу всячески препятствовали. На жалобы же немцы частенько отвечали: "Они умеют подерживать дисциплину: а нам ничего больше и не надо".

Это теперь большевики создали миф, будто кого-то заставляли поступать во власовцы. А тогда — поступление в РОА было довольно трудным предприятием; вероятно, и из лагерей для военнопленных, из лагерей же для рабочих с Востока уж и

определенно. Да еще вот, когда поступали все же, — преследования обрушивались иногда на родных. Помню, например, одно из таких раздирающих писем, от девушки, у которой брат стал власовцем (даже и имя не забыл, Нонна; а фамилию — и помнил бы, не стал бы называть).

Разумеется, мы все делали что только могли, чтобы эту подлую мафию выбить из седла; и власовские руководители тоже немало на то усилий тратили (и многих спасли и выручили). Но немецкая машина в данной области работала с удручающей медлительностью. А времени оставалось, — считанные дни...

Так все и пропало. Уперлось в тупик, что Германия под водительством национал-социалистов лучше хотела погибнуть, утянув в могилу и нас, чем спастись при нашей помощи, спасая тем и Россию. И между тем — до последнего момента энергичное формирование власовской армии представляло шанс на успех; не столько своим боевым, сколько пропагандным воздействием.

Увы! не только наше дело погибло; но и по сей час небезопасно о нем говорить, и не все можно сказать. И, как ни парадоксально, — сегодня хуже, чем вчера: взглянуть (да уж и глядеть не хочется!) на безумие, охватившее американцев, вновь выдающих антикоммунистов, — черное, иудино занятие, казалось, принадлежавшее уже прошлому. Придется им пожалеть, как и пришлось уже об операции килевания; но ведь раскаяние post factum мало помогает.

ВЛАДИМИР РУДИНСКИЙ

ПЕЧАТЬ

ПОШЛЯКИ О ЛИТЕРАТУРЕ

В "Панораме" № 247, два приносящих остроту новейшей эмиграции в Америке, П. Вайль и А. Генис, оставляя на время свой излюбленный Брайтон Бич, пускаются в плавание по морю русской словесности, под заглавием "Пассажиры с парохода современности". Увы! культурный их багаж куда как скуден, ибо ведь: "Что делать, нормальный человек в последний раз читает классику в школе". Очевидно, нормальный человек для них (они, видимо, посмотрелись в зеркало!), это — подсоветский полунинтеллигент самого приземленного типа.

С этих позиций, они с немалой злостью ополчаются против всех тех, кто непонятных им русских (а уж тем паче бы, и иностранных!) классических поэтов и писателей знает лучше них, понимает и любит, — на что сами они неспособны. Тут они рассыпают перлы в таком роде: "Тот факт, что Достоевский писал по-русски, приподнимает нас над остальными народами, давшими миру всего лишь Шандора Петефи или Яна Райниса". Какому кретину они приписывают подобные мысли? Замечательные поэты, венгерский — Петефи, и латышский — Райнис, делают честь своим народам; а противопоставлять их Достоевскому (кстати, в основном прозаику, а не

стихотворцу) — вполне бессмысленно. А если русская литература есть великая литература великого народа, в соответствии с размерами нашей родины и численностью ее населения, то это никому не в обиду, кроме разве злобных завистников; мы же этим имеем, несомненно, право гордиться.

"Мы ведь тоже читатели" — вопиют Вайль и Генис; и считают поэтому, что им надлежит судить и ставить на место русских писателей. Но, наделенные плоским вкусом и убогими сведениями, они только и способны производить оценки вроде следующих: "Декабрист Пушкин, не вылезавший из ссылки. Здоровенный мужатый Толстой, держащий в руках зеркало русской революции. Босьяк и буревестник Горький. Одетый в пенсне Чехов, из интеллигентности никогда не посещавший уборную".

Не удивительно, что оба соавтора горячо примыкают к линии Писарева, Маяковского и Синявского, прославленных хулителей Пушкина. Но они, видимо, на этом не останавливаются, и намерены атаку на русских классиков продолжить и углубить. Есть легенда о дикарях, пускавших стрелы в солнце; стрелы падали на них обратно. Ну, тут не стрелы, а грязь; в нее панорамские литературоведы и вымажутся. Что ж, — исполать! В. Р.

Приглашаем Вас и всех Ваших друзей и знакомых на

О С Е Н Н И Й В Е Ч Е Р

устраиваемый 9 июня 1986 года, в трех залах Епархиальной Школы — Фалучо 854, В. Бажестер.

Начало в 21,00.

ОРКЕСТР — ДИСК-ЖОКЕЙ — ЛОТЕРЕЯ — БУФЕТ
Количество столиков ограничено, просим заказывать билеты заблаговременно по тел. 768-5476 и 766-5377.

РУССКАЯ ЖИЗНЬ

Национальная, внепартийная, общественная еженедельная газета, издаваемая в городе Сан Франциско, США с августа 1921 года.

Редактор А. А. Соллюгуб

Подписка на 1 год — 60,- долларов, на полгода — 35,- долларов, на 3 месяца — 20,- долларов.

Подписку направлять по адресу:
2460 Sutter Street, San Francisco, Ca. 94115

"НАША СТРАНА". Русская монархическая еженедельная газета. Основана 18 сентября 1948 И. Л. Солоневичем. Издатель: Михаил Киреев. Редактирует: Ред. Коллегия. Адрес: M. Kireeff, Monroe 3578 — 11, 1430 Buenos Aires. Номер телефона М. Киреева: 89-0862. Статьи подписанные фамилией или инициалами не обязательно послужат выражением мнения редакции. Рукописи не возвращаются.

Цены за экземпляр газеты: Австралия - 0,80 ав. дол.; Германия - 1,80 н. м.; Франция - 5 фр.; Италия - 1100 лир; США - 0,80 ам. дол.; Аргентина - 0,30. В остальных странах — 0,80 ам. дол. Цена объявлений: за 1 см. в 1 колонку — стоимость 4 экземпляров газеты в соответствующей валюте. Чеки и "моней ордер" выписывать на имя Miguel Kireeff с местом уплаты в США или Европе.

"NASHA STRANA" — "NUESTRO PAIS". Semanario monarquico ruso. Fundado el 18 de septiembre de 1948. Registro Nacional de Propiedad Intelectual No.: 949.917 Editor: M. Kireeff, Monroe 3578 — 11, 1430 Buenos Aires.

Correo ARGENTINO	Franqueo pagado. Conces.No. 4233
Sucursal 30 (B)	Interes general. Conces.No. 3980